

ваниях и фольклоре не только «некоторых сибирских народов» (стр. 28), но и других народов на территории России — на Кавказе, у саамов и пр., а также и всего мира. Неоправданно противопоставление Святогора, якобы символизирующего «бесплодную непроизводительность горных пород», богатырям-земледельцам (стр. 29). Земледелию исторически противостоят собирательство, охота — вообще другие древние формы хозяйства, а не горы сами по себе; да и не все горы бесплодны.

Библиографический перечень по русскому эпосу в конце книги (стр. 180—188) подобран не шаблонно и довольно полон, но порядок, принятый автором, слишком условен («Научные сборники», «Антологии», «Исследования и учебные пособия», «Библиографические указатели»). Тематический принцип или более принятый хронологический или алфавитный был бы более удобен. Нет и указателя сокращений для подстрочных примечаний, а он сэкономил бы место и избавил читателей от поисков первого, полного упоминания названия в сносках.

Вероятно, было бы целесообразно дать в приложении к книге примерную схему распределения материала былин по школьной программе.

В целом же книга исследователя, самостоятельно разрабатывающего ряд важных проблем фольклористики, поможет укреплению фронта изучения русских былин в историческом аспекте, которое уже ведется совместными силами специалистов всех смежных наук — фольклористов, историков, лингвистов и археологов.

Р. Лунец

А. Моора. *Peipsimaa etnilisest ajaloost*. Tallinn, 1964, стр. 368.

Книга А. Моора «Очерки этнической истории Причудья» сразу привлекла внимание историков, этнографов и лингвистов. Это естественно уже потому, что работа посвящена такой мало исследованной территории, как Причудье. Хотя имеется немало статей, касающихся различных сторон истории Причудья, оно до сих пор ни разу не было объектом серьезного исследования. Несомненно, проблемы этнической истории Причудья очень сложны и требуют привлечения материалов ряда смежных дисциплин, что по силам далеко не всем исследователям.

В настоящей книге рассмотрена в основном только северная и северо-западная часть Причудья (бывшие приходы Исаку, Торма, Кодавере). Восточного побережья автор касается только бегло, а юго-западными районами вообще не занимается. Выделение северного Причудья в качестве отдельной территории совершенно правомерно, так как история этой области, культурные связи с соседями, хозяйственные занятия населения и многие другие конкретные условия его существования отличны от таковых в восточных и юго-восточных районах Причудья.

Автор исследования ставит своей задачей осветить историю заселения Причудья и проанализировать факторы, влиявшие на формирование взаимосвязей и взаимоотношений финноязычного (в первую очередь эстонского) и русского населения на этой территории.

Работа написана на очень обширном и разностороннем материале. Во-первых, это полевые материалы самого автора, многие из которых появляются в печати впервые и представляют большую ценность. Естественно, что широкие хронологические рамки исследования потребовали привлечения археологических и архивных источников, использована и имеющаяся литература вопроса. Анализ источников проведен автором очень тщательно и во многих случаях может служить образцом того, как при весьма скудных сведениях рассмотрение их под различными углами зрения дает богатую информацию.

Книга А. Моора подразделяется на две части: во II—V главах рассматривается история населения Причудья с первого тысячелетия н. э. до XX в., а главы VI—X посвящены хозяйственным занятиям населения этой территории. Всей книге предпослана глава I, в которой даны характерные черты географической среды Причудья. Эта глава является необходимой частью работы, так как природные условия, прежде всего климат и почвы этого района, оказали во многом определяющее влияние на его экологию, а следовательно, и быт местного населения.

Анализ состава местного населения А. Моора начинает с первого тысячелетия н. э., рассматривая и систематизируя имеющиеся в настоящее время археологические материалы. На основе их она приходит к выводу, что в эстонское Причудье с востока проникли две большие волны переселенцев: первая относится ко второй половине первого тысячелетия н. э. Она состояла из славян и значительного водского элемента и осела в основном на западном побережье Пейпси. Вторая, в которой явно преобладал славянский элемент, в XII—XIII вв. прошла в северные малозаселенные лесные области Причудья. В составе жителей Причудья первое переселение оставило большой след. В результате в XIII в. территория, специально интересующая автора, в восточной части была заселена преимущественно русскими, северное Причудье (Алутагусе) — обрусевшей волью и русскими, в западной части — эстонцами с примесью водского населения. Самое побережье Чудского озера оставалось незаселенным.

На следующем этапе формирования местного населения автор может привлечь уже более разнообразные источники — данные кадастров и ревизий, хотя они для этой территории и периода XIII—XVII вв. отрывочны и скупы, а также данные топонимики и ономастики. Нельзя не отметить еще раз исторический подход к источникам и мастерство их анализа в третьей главе. В результате кропотливого исследования А. Моора удается с предельной для современных знаний достоверностью установить происхождение, состав и относительную плотность населения различных районов Причудья, а также по мере возможности определить характер хозяйства и даже социальный облик поселений на этой территории.

А Моора, анализируя формирование населения в северном Причудье в средние века, исходит из того положения, что длительное время между эстонскими землями и новгородско-псковскими владениями не было четкой границы, что по течению Нарвы и нижнему течению Луги шла широкая нейтральная полоса. Поэтому на исследуемую автором территорию более или менее свободно проникали выходцы из соседних и даже отдаленных территорий. Это предположение автора нам кажется вполне правильным, тем более, что такого рода контактные территории без твердо установленной в современном понимании границы хорошо известны в средние века и в других местах.

Анализ письменных источников для выяснения этнического состава населения проводится автором очень осмотрительно. А. Моора неоднократно и совершенно справедливо подчеркивает, что в средние века происхождение с какой-то территории или религиозная принадлежность были важнее национальной и языковой. Она считает поэтому возможным пометки в документах XIV—XVI вв. «вожанин» или «русский» оценивать только как обозначение пришельца с водской или русской территории. Полагаю, что это чрезмерная осторожность: источники все же видимо различают эти два понятия, к тому же Ижорская земля не была самостоятельной. И если ижорца или вожанина могли записать русским по вероисповеданию или происхождению (Новгородская республика или русские княжества), то вряд ли русский получал пометку «вожанин», если приходил из Ингерманландии.

Более поздние источники содержат больше имен, фамилий, прозвищ. Основываясь на этих материалах, данных топонимики, исторических фактах (в частности о переселениях старообрядцев в Прибалтику), автор приходит к выводу, что в восточных районах исследуемой территории по-прежнему преобладало русское население, в районе Иисаку-Иллуцкой гряды господствовала русская речь, а в северной полосе население было двуязычным. Что касается западного побережья Пейпси, то оно было заселено поздно. Судя по источникам, о постоянном населении там можно говорить примерно с XVI в. В это время там преобладали эстонцы, хотя имелось и русское население. Видимо, были и водские элементы. Русские, вероятно, сливались с эстонцами. В этот период все северное Причудье в целом было слабее заселено, чем остальная Эстония. К тому же более густо заселенная часть этой территории, окрестности Раквере и Йыхви больше пострадали во время ливонской войны, чем прибрежные и лесные районы Причудья.

Очень важны поднятые автором в этой главе вопросы об обложении повинностями крестьян и об обычном праве. А. Моора выражает, во-первых, мнение, что отсутствие в Датском кадастре ряда деревень, которые по археологическим данным уже существовали в это время, объясняется тем, что на этой территории еще не распространилась гаковая система обложения. К этой мысли автор возвращается снова в разделе о сельском хозяйстве. Рассматривая материалы, касающиеся побережья Чудского озера, А. Моора приходит к выводу, что западное побережье было заселено позже, чем это предполагали некоторые исследователи до нее. Анализируя источники и опираясь на данные обычного права, она доказывает, что упоминаемые для более ранних периодов постройки на берегу были не домами, а временными жилищами рыбаков, приходивших сюда только на время лова, а побережье тогда было открыто для всех.

Очень ценны сведения о размерах земельных наделов, числе безземельных и таблицы с размерами обложений, которые помогают восстановить лицо деревни того времени.

Переходя к вопросам формирования причудского населения в XVIII—XX вв. (глава IV), А. Моора делает много интересных и новых выводов. Несмотря на то, что северное Причудье в целом жестоко пострадало от Северной войны и последовавших за ней чумы и голода, этнический состав населения в целом не изменился. Основное население в значительной мере сохранилось, а пришлое состояло из тех же этнических элементов, что и ранее. Через полвека после окончания войны численность населения здесь достигла прежнего уровня. А. Моора, таким образом, опровергает еще раз точку зрения остзейских историков, согласно которой из-за Северной войны Эстония долго не могла восстановить свою экономику и оставалась опустошенной территорией. Этот вывод автора по своему значению выходит за рамки данного локального исследования. На западном побережье Пейпси, напротив, произошли существенные изменения в составе населения, правда, уже в конце XVIII в. в результате переселения сюда старообрядцев из Витебщины, Новгородских и даже Тверских земель. При этом рус-

ское население стало преобладать в рыболовецких деревнях, а там, где было возможно занятие земледелием, эстонское население сохранялось.

В книге автор широко пользуется оригинальными материалами, что позволяет ему сделать описания более живыми, а доказательства более убедительными. А. Моора пользуется и такими источниками, как например, данные Йисакского некрополя — такого рода материалы редко используются историками нового времени. Широта используемых материалов позволяет дать разностороннюю и во многом новую картину деревень Причудья.

Интересно, что в этом районе население хранило в памяти далеко уходящие в прошлое родственные связи. Автору удалось установить, что в прошлом семьи, происходившие от общего предка, объединялись в «кусты», имевшие, видимо, и определенные экономические связи. Очень интересна таблица, в которой сведены данные ревизий, судов, материалов Русского географического общества и другие и которая отражает изменения в составе населения прибрежных деревень с 1882 по 1932 гг.

Очень хорошо освещены и такие стороны быта, как традиции раздела земли между сонаследниками, характерные для данного района, и картины того, как возникали в некоторых случаях новые дворы. Огорчительно, правда, что период буржуазной республики отражен бледно, автор в основном ограничивается привлечением некоторых цифровых данных этого времени.

Торую половину работы занимает подробное рассмотрение хозяйственных занятий населения Причудья, данное в историческом развитии и с широким привлечением большого нового фактического материала. Анализ сельского хозяйства дан на фоне социальной структуры местной деревни, причем ее локальным особенностям уделено много внимания. А. Моора подробно рассматривает различные прослойки и группы крестьянства, сложившиеся еще в феодальный период, и динамику их развития. Хорошо иллюстрированы такие процессы, как рост слоя безземельных в период перехода от натуральной к денежной ренте или возникновение бобыльских деревень по инициативе помещиков в период выкупа хуторов, или появление слоя мызных батраков с развитием капиталистических форм хозяйства.

Очень интересны данные и выводы автора о локальных различиях в крестьянском землепользовании. Так, в частности, подчеркивается тот факт, что для районов с плохими почвами были характерны малые и средние земельные наделы при значительном развитии подсобных промыслов. Далее автор устанавливает, что если в южных частях Алугагусе господствовал тот же порядок подворного обложения, что и в остальной Эстонии, то районы между Пейпси и Нарвой дольше сохраняли общинные черты. В частности, здесь в отдельных случаях еще в XVIII в. подати возлагались на деревню в целом. А. Моора полагает, что в этом можно видеть влияние России и русской общины.

Большое внимание уделено, как уже упоминалось, традиции раздела земли между сонаследниками. Не оспаривая мнения автора, что в данном случае мы имеем дело не с русским влиянием, а со спецификой ремесленного района, хочется заметить, что этот вывод прозвучал бы убедительнее, если бы были приведены сравнительные материалы из других ремесленных районов Эстонии.

Описание возделываемых на территории Причудья культур и систем земледелия в ходе развития полеводства, данные о сельскохозяйственных орудиях и приемах труда очень интересны. Здесь много нового, ранее неизвестного материала, автор систематически проводит анализ того, почему при тех или иных почвах предпочтение отдавалось определенным культурам и как возникали различные формы орудий. Интересны сведения о специализации сельского хозяйства в отдельных местностях Причудья. Вполне обоснованы выводы автора, что развитие земледелия в различных местностях Причудья шло как в феодальный, так и в капиталистический период неравномерно. В тех местах, где развитие сельского хозяйства отставало, как, например, в Авинурме и на северном берегу Пейпси, дольше сохранялась и отсталая сельскохозяйственная техника.

Значительное место в разделе о сельском хозяйстве посвящено огородничеству, которое на западном побережье Чудского озера, в поселениях на юг от Мустве приняло в конце прошлого века товарный характер. Автор приходит к выводу, что огородничество в Причудье можно рассматривать как пограничную территорию области русского огородничества.

Глава о земледелии показывает, что для значительной части Причудья занятие сельским хозяйством не обеспечивало даже простого воспроизводства, что вынуждало жителей искать дополнительных средств к существованию. В их числе первое место благодаря богатству внутренних вод занимало рыболовство. Оно, как показано в работе, представляло местный вариант русского северо-западного рыболовства. Для выяснения этого А. Моора проделала большую работу по установлению источников тех или иных заимствований в терминологии, технике рыболовства, формах организации труда. Интересно наблюдение, что русское влияние в рыболовстве усиливается во второй половине XIX — начале XX в., что было следствием распространения промысловых форм лова.

Значительное место (главы VIII—X) уделено прочим подсобным занятиям: деревообделочному ремеслу, экипажному, судостроительному, кожевенному делу и дру-

гим подсобным занятиям, отхожим промыслам и мелкой торговле. Эти главы представляют большую ценность и интерес, поскольку в них описаны такие отрасли крестьянского хозяйства, которые до сих пор (если исключить обработку дерева) мало затрагивались в специальной литературе. Если в экономике Причудья эти отрасли в целом были второстепенными, то в некоторых местах они имели определяющее значение. Поэтому то, что автор работы уделил им должное внимание, позволило ему воссоздать картину специфического для Причудья комплексного хозяйства во всей ее сложности.

В заключении автор подводит итоги тем процессам формирования населения Причудья, которым посвящена книга. При этом А. Моора приходит к выводу, что «очень важным, а может быть и решающим фактором, определившим проникновение в разные части этой зоны различных этнических групп и формирование отношений между ними, были приобретенные ими ранее производственные навыки» (стр. 302).

Именно то обстоятельство, что автор стал искать причины происшедших на этой территории этнических процессов в области производства, позволило ему блестяще справиться с поставленной перед ним задачей. Такой подход к решению вопроса не только был плодотворным для данного случая, но, несомненно, будет иметь большое значение и для дальнейшей разработки методики и методологии исследований так называемых контактных территорий.

В книге есть некоторые моменты, которые вызывают сомнения или те или иные пожелания. Так, в частности, недостаточно четко определено время, на котором автор заканчивает свои исследования. Это следовало бы сделать уже во введении. Во всяком случае, материалы, касающиеся периода буржуазной республики и наших дней, имеются, но очень отрывочные. Также и вопрос о том, что с конца прошлого столетия начали действовать такие новые факторы, как национальное самосознание, практически остается только упомянутым.

Мало внимания уделено тому, как сказывались на положении крестьянства Причудья неоднократные смены государственной власти, а также формированию и развитию феодально-правовых норм, имевших огромное значение для всех сторон жизни крестьян той эпохи.

Книга в целом хорошо иллюстрирована, если исключить приведенные планы поселений, которые, для меня во всяком случае, остались непонятными.

В настоящей рецензии я вполне сознательно не касалась лингвистических материалов и их анализа, хотя они занимают очень существенное место в исследовании, но именно поэтому есть основание ожидать рецензий специалистов-языковедов.

Приходится выразить сожаление, что русский реферат очень краток. В работе содержится много топонимических и терминологических материалов русского происхождения и чисто русских, поэтому было бы важно, чтобы с ней могли ознакомиться широкие круги русских лингвистов. Конечно, наиболее целесообразно было бы издать русский перевод книги.

Н. Шлыгина

Г. А. П а н к р у ш е в. *Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла*. М.—Л., 1964, 128 стр. текста+65 стр. приложений.

Рецензируемая монография привлекает внимание новизной поставленной в ней проблемы. Однако попыткой ее решения не ограничивается содержание книги. Прежде чем приступить к выделению и характеристике племен (глава 5), автор рассмотрел целый ряд важных вопросов, составивших основу последующего изложения. В их числе — краткая физико-географическая характеристика территории Карелии (глава 1), общая характеристика археологических памятников периода неолита и раннего металла и типологический анализ их инвентаря (глава 2), датировка памятников Карелии и соседних с нею областей (глава 3) и, наконец, выделение локальных различий в материальной культуре древнего населения Карелии (глава 4).

По характеру материала книга распадается на три примерно равные части. Первая состоит из перечисленных выше четырех глав и посвящена решению археологических проблем. Последняя, 5 глава, самая большая по объему, представляет вторую, собственно историческую часть работы, в которой автор предпринимает попытку реконструкции материальной и общественной жизни карельских племен, главным образом на основании изложенных выше археологических материалов. В ней, осветив вопрос о времени и путях заселения Карелии, частично затронутый ранее, автор рассматривает возникновение племен и образование единой карельской культуры, затем уже говорит о происхождении племен. После этого следуют разделы, посвященные быту и занятиям населения, в которых характеризуются поселения и жилища, формы хозяйства, общественная организация и верования. В заключении данной главы рассматриваются внешние и внутренние связи племен, населявших древнюю Карелию.

Третью часть работы составляют приложения, в которых обобщен большой материал, служащий фактической основой исследования. Здесь и статистические таблицы,